

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ С WILKINSON

Сообщение было ясным.

«Будь перед отелем в 12:00.

Я заеду с дочерью и внучками.

Мы повезём тебя обедать.

Потом проведём вторую половину дня вместе и, надеемся, тебе не наскучим».

Я улыбнулся.

После пережитого накануне скуки я боялся меньше всего.

Они были пунктуальны.

Абсолютно пунктуальны.

Но на этот раз кое-что было иначе.

Водителя не было.

Водителю дали выходной.

За рулём сидела Мэгги.

Признаюсь, я вознёс Богу короткую молитву.

Не по духовным соображениям.

По автомобильным.

Я надеялся, что всё пройдёт благополучно.

Без сюрпризов.

По крайней мере, без сюрпризов такого рода.

Она же, казалось, чувствовала себя совершенно свободно.

Руль она держала с той же уверенностью, с какой вела разговор.

Или принимала решение.

Или вела совещание.

Мне пришла в голову одна мысль.

Не все стареют одинаково.

Одни перестают водить машину.

Другие перестают путешествовать.

Третьи перестают принимать решения.

Только не Мэгги.

Она просто продолжала.

Словно само время решило из уважения посторониться.

Мы ехали дальше через Лондон.

Мне отвели переднее сиденье.

Место, которое обычно полагается гостю.

Мэгги вела машину.

Дочь и внучки сидели сзади.

С виду — обыкновенная семья.

Но это было не так.

Через несколько минут меня спросили, что я хотел бы поесть.

Есть ли у меня предпочтения.

Я ответил не раздумывая.

«Английскую кухню, безусловно».

Все расхохотались.

Не из вежливости.

По-настоящему.

От души.

Мэгги повернулась к дочери.

У неё было лицо человека, только что доказавшего теорию.

«Теперь понимаешь, почему я тебе всё это говорила?»

Дочь улыбнулась, не прибавив ни слова.

Словно мой ответ подтвердил что-то, что они обсудили уже давно.

Я не стал просить объяснений.

Иногда вопросы приходят слишком рано.

А ответам нужно своё время.

Я просто наблюдал за этой странной английской семьёй.

И у меня было чувство, что где-то, задолго до нашего знакомства, Мэгги уже решила, кто я такой.

Я всего лишь догонял.

Мы подъехали к ресторану.

Не из тех заведений, что принадлежат миру большой роскоши английской аристократии.

Никакого швейцара в ливрее.

Никакой демонстрации статуса.

Никакой искусственной изысканности.

В эту минуту я уверился, что поедим мы хорошо.

Кухня — как искусство вещей.

Самые простые вещи почти всегда самые лучшие.

И Мэгги была именно такой.

Она могла жить в замке и называть его виллой.

Могла говорить как королева и водить как лондонский таксист.

Могла привезти тебя к руинам собственной истории, не теряя достоинства английской леди.

Но когда приходило время есть, она выбирала суть.

Не видимость.

Может быть, поэтому я и продолжал её слушать.

За сталью её мечей я нашёл не институцию.

Я нашёл женщину.

Фердинандо